

Музыка навеяла

Вышел «Романчик» Бориса Евсеева

«Романчик» Бориса Евсеева вошел в шорт-лист Букеровской премии этого года. Многие считают, что Евсеев едва ли не единственный конкурент безусловного фаворита нынешнего года — Анатолия Наймана. Накануне объявления лауреата премии «Букер — Открытая Россия» роман вышел отдельным изданием.

Известия 2005-16-11-с.14

Николай Александров

Романчик — кратковременное любовное увлечение, нечто несерьезное, проходящее. Особый жанр — и житейский, и литературный. Легкое чтение, иными словами. Наверное, так и следует относиться к произведению Евсеева. Какая в романчике может быть обязательность — легкий сумбур как будто соответствует чистоте жанра. Свободные воспоминания, нахлынувшие на героя (в романе он тоже Евсеев) при поездке на дачу в Жуковку, где когда-то у Ростроповича жил Солженицын, при посещении центра «Русского зарубежья» (в районе Таганки и протекал романчик главного героя) — такова «материальная» основа. Если и выстраиваются эти воспоминания в какую-то историю, то у нее не вполне любовный характер. Это уж скорее рассказ о том, как вольнолюбивый студент Гнесинского училища начала семидесятых проводит свои дни и ночи, играет на скрипке и одновременно скрипку мастерит, перепечатывает вместе с героиней своего романчика диссидентскую (и просто дефицитную) литературу и сам пробует сочинять, однажды встречается с Высоцким, посещает занятия Ростроповича, выпивает, становится объ-

ектом внимания КГБ и чудесным образом спасается благодаря помощи участковых милиционеров.

Это не история в строгом смысле этого слова, скорее — нахлынувшие впечатления и образы, погружение в странную (жутковато-веселую) атмосферу того времени, легкая ностальгия по утраченной беспечности.

И в наибольшей степени этот ностальгический дух передает сам характер письма — старомодно-ироничного, но в то же время настаивающего на своей значительности. Действительно, зачем в суматошной, утопающей в случайных подробностях, неряшливой повести вдруг возникает удивляющее своей серьезностью, отстраняющее обращение героя к самому себе на ты? Зачем это подчеркивание дистанции между днем сегодняшним и событиями семидесятых, какая музыка навеяла бывшему музыканту эту мысль? Впрочем, дело даже не в «зачем?». Просто выглядит это отстранение несколько театрально и претенциозно, как будто романчик силится стать романом, неожиданно забывая о своей жанровой сути. И, кстати говоря, из-за этого столь странное впечатление от «Романчика» складывается по прочтении. Кажется, что этому как будто

наспех созданному смешению музыки, литературы, воспоминаний, анекдотов, зарисовок не хватает стройности, что этот «импровизированный» хаос слишком уж искусственно литературен, а потому и недостаточно внятен, а главное — как-то щемяще беспомощен в своей старомодности, в своей приподнятой ностальгии по растворившемуся в прошлом периоду «расцвета застоя».

Борис Евсеев. Романчик. — М.: Время, 2005 — 336 с.